

Харканас

(центральная часть)

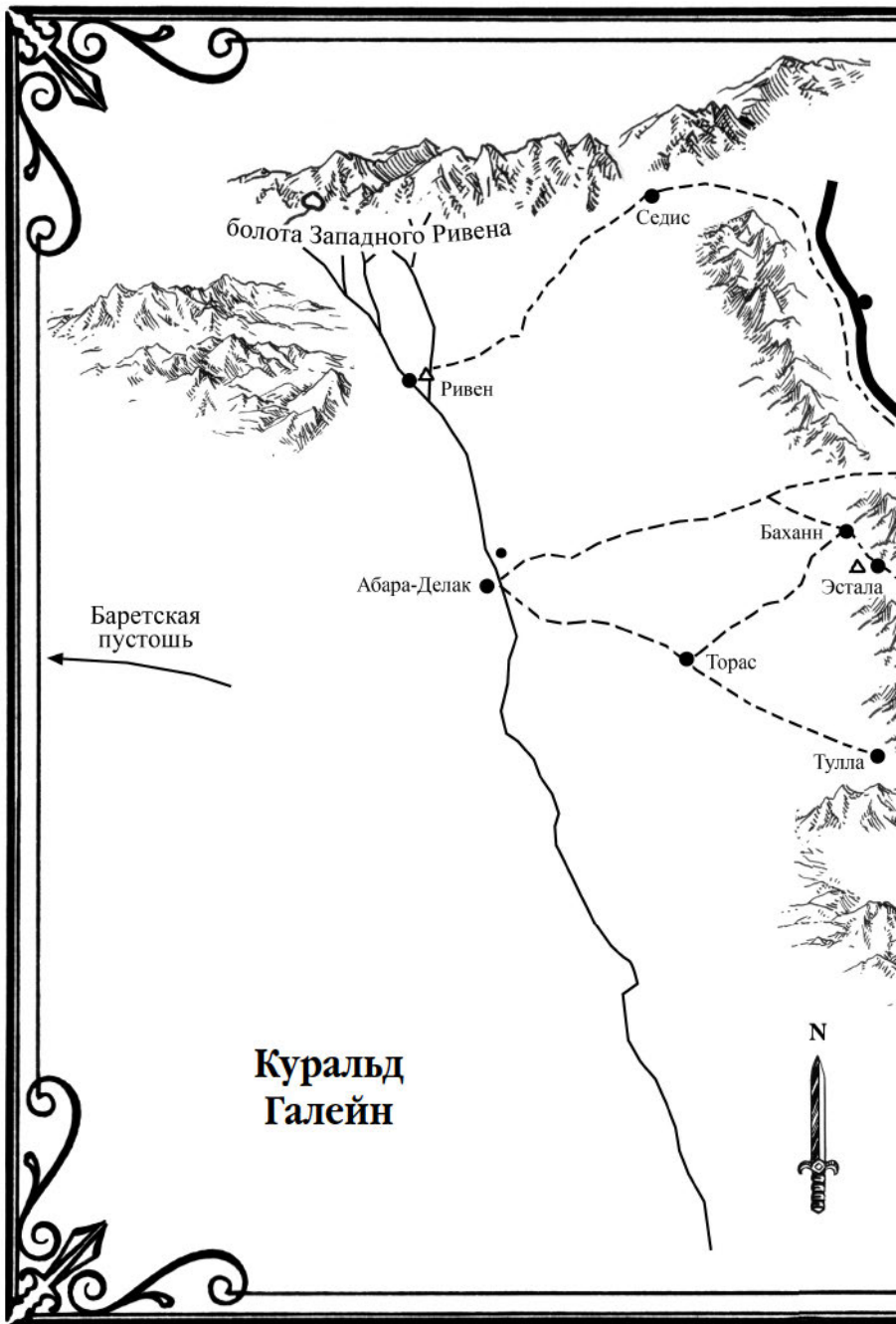

- a. Отбросы и мусорные кучи
- b. Ямы и сточные колодцы
- c. Отстойники
- d. Склепы

N

- 1. Цитадель
- 2. Дом Хиш
- 3. Дом Силанна
- 4. Дом Пурейков
- 5. Речной рынок
- 6. Дом Дегалла
- 7. Дом Ренда
- 8. Дом Дюравов
- 9. Убежище Хуста
- 10. Селение Скеллор
- 11. Старые королевские хранилища

болота Западного Ривена

Седис

Ривен

Абара-Делак

Бахани

Эстала

Торас

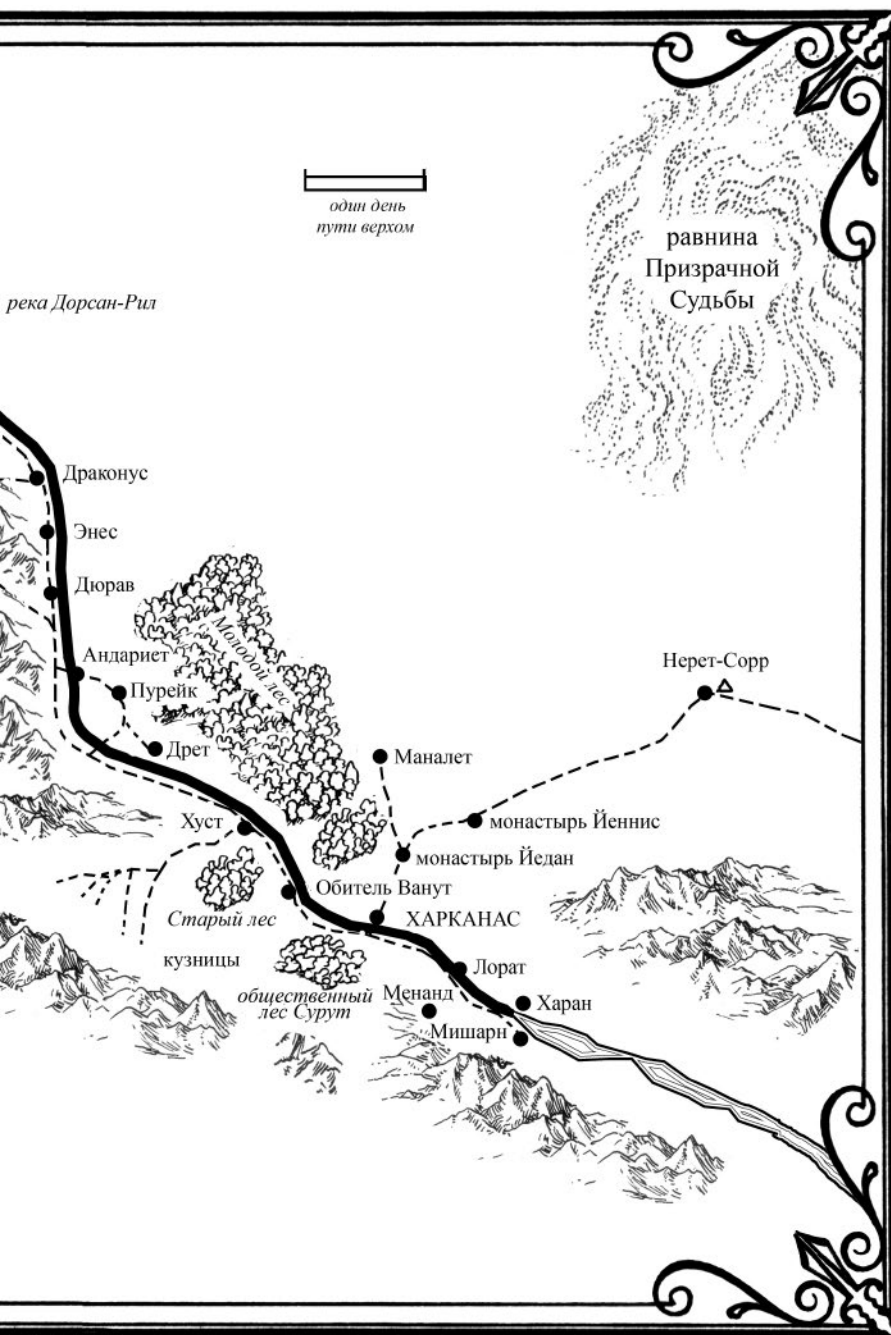
Тулла

Баретская
пустошь

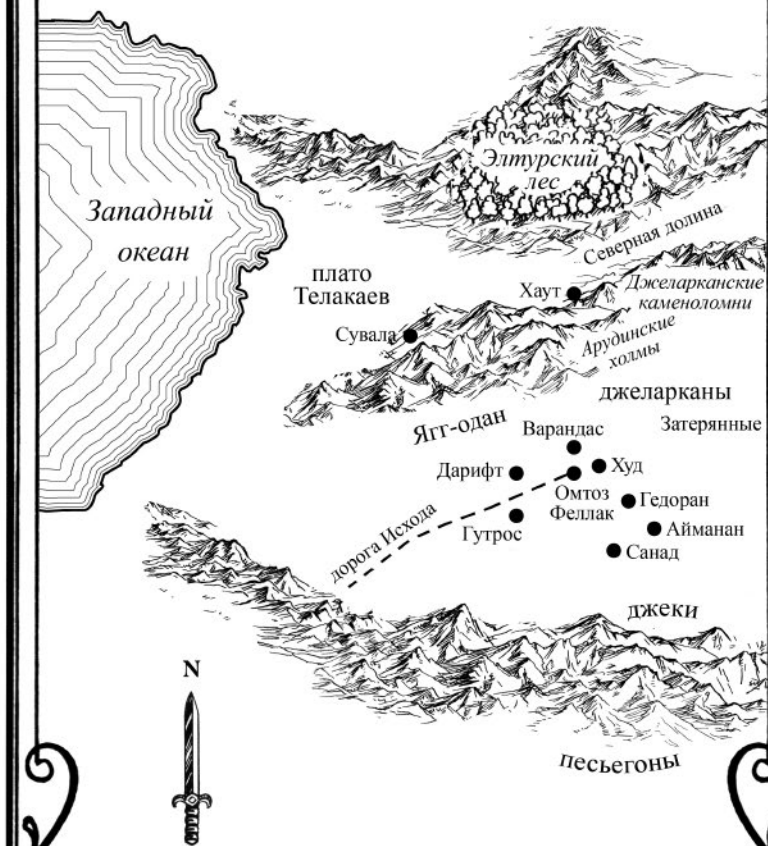
**Куральд
Галейн**

N

Владения телакаев, яггутов и тисте

Действующие лица

Обитель Пурейк

Аномандер
Андарист
Сильхас Гиблый
Келларас
Празек
Датенар

Обитель Драконс

Драконус
Ивис
Злоба
Зависть
Подлость
Аратан
Раскан
Сагандер

Обитель Тулла

Хиш Тулла
Рансепт
Сукуль Анхаду (заложница)

Дом Энес

Джайн Энес
Энесдия
Кадаспала
Крил Дюрав (заложник)

Дом Дюрав

Спиннок Дюрав
Фарор Хенд

Обитель Хуст (и легион Хуста)

Хуст Хенаральд
Калат Хустейн
Финарра Стоун
Торас Редон
Галар Барас

Абара-Делак

Кория Делат
Нерис Друкорлат
Сандалата Друкорлат
Орфантал
Вренек

Нерет-Сорп

Вата Урусандер
Оссерк
Хунн Раал
Рисп
Северг
Серап
Ренарп
Гуррен

**Офицеры легиона
Урусандера**

Скара Бандарис
Илгаст Ренд
Халлид Баханн
Эстала
Кагамандра Тулас
Шаренас Анхаду
Тате Лорат
Инфайен Менанд

Пограничники

Ринт
Вилл
Ферен
Галак
Лаханис
Традж

Цитадель

Синтара
Эмрал Ланеар
Эндест Силанн
Седорпул
Райз Герат
Легил Бехуст
Матьер-Тьма

Шейки

Шекканто Дерран
Чародей Реш
Капло Дрим
Скеленал
Ведьма Рувера

Азатанаи

Гриззин Фарл
Кильмандарос
Сешуль Лат
Эррастас
Каладан Бруд
Трисса
Старец

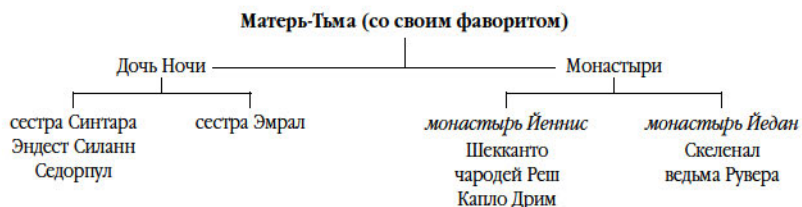
Яггугы

Худ
Готос
Хаут
Варандас
Кория Делат (заложница)

Прочие

Грипп Галас
Харал
Нарад
Бурса
Олар Этил

Тисте: Обитатели, Великие и Малые дома, жрецы и двор

Пролог

...Итак, ты нашел меня и желаешь услышать мой рассказ. Когда поэт говорит об истине с другим поэтом, на что стоит надеяться истине? Позволь мне кое о чем спросить тебя. Возможно ли в вымысле отыскать воспоминания? А может, ты хочешь обнаружить в воспоминаниях вымысел? Что из них услужливо кланяется другому? Измеряется ли мера величия исключительно подробностями? Вполне вероятно, если из подробностей состоит вся ткань мироздания, если все существующие в нем темы — не более чем смесь идеально упорядоченных и безошибочно составленных списков... и при условии, что я склонюсь перед вымыслом, как если бы он был доведенными до идеала воспоминаниями.

Но вот только похож ли я на того, кто преклонит колени?

Не существует историй, единственных в своем роде. Ничто не имеющее себе равных не заслуживает даже второго взгляда. Мы с тобой хорошо это знаем. Мы можем исписать тысячу свитков, излагая судьбы тех, кто считает, будто они являются началом и концом всего сущего, тех, кто помещает всю вселенную в маленькие деревянные шкатулки, которые затем запихивает себе под мышку, — наверняка ты повидал их немало, проходящих мимо. Им есть куда идти, и где бы ни находилось то место, оно нуждается в них, ибо без их впечатляющего появления наверняка перестало бы существовать.

Циничен ли мой смех? Звучит ли в нем презрение? Вдыхаю ли я, в очередной раз напоминая себе, что истины подобны скрытым в земле семенам, и кто может сказать, какая дикая жизнь родится из этих семян, если за ними ухаживать. Предсказания глупы, воинственные заявления жалки. Но все подобные споры давно позади. Если мы с тобой когда-то и вели их, то очень давно, в другую эпоху, когда оба были моложе, чем нам казалось.

Эта история будет подобна самой Тиаме, многоголовому созданию. Мне свойственно носить маски и говорить множеством голосов чужими устами. Даже когда я был зрячим, видеть одной лишь парой глаз было для меня подобием пытки, ибо я знал — чувствовал всей душой, — что мы с нашей единственной точкой зрения упускаем бóльшую часть мира. И ничего не можем с этим поделать. Это наша преграда на пути к пониманию. Возможно, лишь поэты всерьез недовольны подобным положением дел. Не важно: если я вдруг чего-то и не вспомню, то попросту выдумаю.

Не существует историй, единственных в своем роде. Жизнь в одиночестве — это жизнь, стремительно движущаяся к смерти. Но слепой никогда не спешит; он лишь нащупывает свой путь, как и подобает в этом полном неопределенностей мире. Так что можешь воспринимать меня как метафору, ставшую реальностью.

Я — поэт Галлан, и слова мои будут жить вечно. Это не похвальба, а проклятие. Мое наследие — будущая мертвая туша, от которой станут отрывать по кусочку, пока все сущее не обратится в прах. И еще долгое время после того, как я испущу последний вздох, плоть моя будет шевелиться и содрогаться.

Когда я еще только начинал, то даже и представить себе не мог, что последние мои мгновения настанут здесь, на алтаре, под нависающим лезвием. Я не верил, что жизнь моя будет принесена в жертву какой-либо великой цели или станет платой за славу и уважение. Признаться, я вообще не думал, что потребуется какая бы то ни было жертва.

Никто не позволяет мертвым поэтам покоиться с миром. Мы подобны заветрившемуся куску мяса на заставленном свежими яствами обеденном столе. Приносят новое блюдо, которое отесняет наши останки, и даже боги теряют надежду когда-нибудь навести порядок. Но есть истины, вѣдомые поэтам, и мы оба прекрасно знаем их ценность. Это своего рода хрящ, который мы без конца пережевываем.

«Аномандарис». Смелое название. Но помни, что я не всегда был слепым. Это история не одного только Аномандера. Она не поместится в маленькую шкатулку. Возможно даже, что сам Аномандер играет здесь наименее значительную роль. Тот, кого подталкивает в спину множество рук, будет двигаться лишь в одном направлении помимо своего желания.

← → ————— ◊ ————— ← →

Пожалуй, это не слишком уважительно с моей стороны. Но у меня есть на то свои причины.

Ты спросишь: а где же мое собственное место во всем этом? Нигде. Приди в Харканас, в моих воспоминаниях, в моем творении. Прогуляйся по Портретной галерее, и ты не найдешь там моего лица. Означает ли это затеряться в том самом мире, который нас создал, в котором существует наша плоть? Страдаешь ли ты в своем мире по той же причине? Блуждаешь ли, погруженный в размышления? Вздрагиваешь ли при виде собственной тени или вдруг перестаешь верить, что это и есть весь ты, с туманными перспективами и ничем не подтвержденными амбициями?

Или просто хмуро проходишь мимо, уверенный, что в руках у тебя действительно прекрасная шкатулка?..

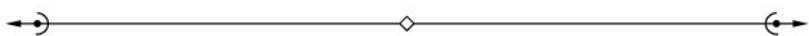
Единственная ли я потерянная душа в этом мире?

Не завидуй моей улыбке. Меня тоже никто не сможет записать в ту маленькую шкатулку, хотя наверняка и найдется немало желающих попытаться это сделать. Нет, уж лучше отвергни меня целиком, если желаешь сохранить спокойствие духа.

Стол заставлен, пиршеству нет конца. Присоединись же ко мне среди жалких отбросов и костей. Слушатели проголодались, и голод их не знает границ. И мы им за это благодарны. А если я что-то говорил о жертвах, то я солгал.

Запомни как следует эту мою историю, Рыбак Кельтат. Если вдруг ошибешься — составители списков сожрут тебя живьем.

Часть первая

В ДАРАХ ТЕХ ОБРАЗ ОБОЖАНЬЯ

Глава первая

«Да будет мир».

Эти слова на древнем языке азатанаев были высечены на каменной облицовке над дверью. Не тронутые ветром или дождем, они могли бы показаться столь же юными и невинными, как и сама сентенция. Неграмотный увидел бы здесь лишь неистовство руки каменщика, но вряд ли будет ложью утверждать, что невежды не способны к иронии. И тем не менее, подобно домашнему псу, который по одному лишь запаху осознает истинную природу гостя, даже самый невежественный свидетель способен ощутить скрытую истину. Соответственно, жестокая рана на базальтовой поверхности дверной перемычки производила впечатление даже на непосвященных, в то время как искренность высеченных на камне слов заставляла задуматься тех, кто их понимал.

«Да будет мир». Убежденность подобна каменному кулаку в сердце всего сущего. Ее формируют уверенные руки, быстро сметая прочь отходы. Она создается, чтобы противостоять врагам и бросать им вызов, а оказавшись загнанной в угол, сражается, забыв обо всяких законах чести. Нет ничего ужаснее убежденности.

По общему мнению, в Обители Драконс не могло быть никого, в чьих жилах текла бы кровь азатанаев. Собственно, мало кто из этих созданий с усталым взглядом, обитавших за Баретской пустошью, когда-либо бывал в королевстве, именовавшемся Куральд Галейн, за исключением разве что каменщиков и прочих строителей, призванных для выполнения той или иной задачи. В любом случае хозяин Обители был не из тех, кого можно расспрашивать о его личных пристрастиях. И если даже рукой азатанаев над порогом Большого дома были высечены двусмысленные слова — как будто провозглашавшие наступление новой

эпохи (в форме не то обещания, не то угрозы), — то это никого не касалось, ибо являлось исключительно делом повелителя Драконуса, фаворита Матери-Тьмы.

Так или иначе, хозяин Обители в последнее время посещал ее не часто, в основном пребывая рядом с Матерью-Тьмой в Цитадели Харканаса. И когда он внезапно вернулся домой после ночной поездки верхом, это стало поводом для беспокойства и породило целую бурю слухов, которые передавали друг другу шепотом.

Грохот копыт становился все громче в слабом свете восходящего солнца, постоянно тусклом из-за близости Обители к средоточию могущества Матери-Тьмы. И вот уже лошади ворвались через арку ворот во внутренний двор, разбрасывая вокруг красную дорожную глину. Выгнув шею под тяжестью крепко натянутых поводьев в руках хозяина, боевой конь Каларас встал на дыбы; из ноздрей скакуна валил пар, а по лоснящейся черной шее и груди стекала пена. При виде его спешившие навстречу конюхи замерли.

Управлявший столь внушительным животным великан спешился, бросив поводья, и молча направился в Большой дом. Слуги разбегались перед ним, будто всполошившиеся куры.

Лицо повелителя не выражало ни малейших чувств, но это как раз было вполне ожидаемо и никого не удивляло. Драконус всегда оставался абсолютно бесстрастным, и, возможно, загадка, таившаяся в этих невероятных темных глазах, с самого начала была источником его могущества. Изображение Драконуса кисти выдающегося художника Кадаспалы из дома Энес теперь занимало почетное место в Портретной галерее Цитадели. Воистину рука гения сумела ухватить непостижимое в лице этого мужчины, намек на нечто выходящее за пределы совершенства его черт тисте, нечто более глубокое, нежели подтверждение чистоты благородной крови. Одним словом, получился портрет того, кто был настоящим королем, хотя и не носил этого титула.

Аратан стоял у окна Старой башни, где оставался с тех пор, как услышал звон колокола, возвещавшего о возвращении отца. Ничто не ускользало от взгляда юноши, смотревшего, как Драконус въезжает во внутренний двор. Поднеся руку к лицу, Ара-